

MAGDALENA WOJCIECHOWSKA <https://orcid.org/0000-0001-9915-3442>

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego
Instytut Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej
85-601 Bydgoszcz
ul. Grabowa 2
m.e.wojciechowska@wp.pl

АВИАТОР ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА КАК ЖАНР ДНЕВНИКА

EVGENY VODOLAZKIN'S *THE AVIATOR* AS A DIARY GENRE

Целью настоящей статьи является представление творчества современного и самого популярного русского писателя Евгения Германовича Водолазкина в романе *Авиатор*, написанном в форме дневника. В статье представлен новаторский подход автора к жанру дневника, который сопоставлен с классической классификацией Елены Богдановой в ее научной статье *Языковые особенности жанра дневника* (2008).

Ключевые слова: дневник, записи, Дмитрий Лихачев, Михаил Бахтин, монологичность, полифония.

The purpose of this article is to investigate the diary genre as used in Evgeny Vodolazkin's novel *The Aviator*. The author of the paper attempts to describe and emphasize the innovativeness of Vodolazkin's approach, as compared with the main classic features interpreted in the light of Elena Bogdanova's article entitled 'Language features of the diary genre' (2008) which brings a classification thereof.

Keywords: diary, notes, Dmitry Likhachev, Mikhail Bakhtin, monologue, polyphony.

Роман *Авиатор* Водолазкина был опубликован впервые в 2016 году. Писатель, создавая этот художественный текст находился под влиянием академика Дмитрия Лихачева (1906–1999), с которым он работал в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома Российской академии наук. Лихачев был для Водолазкина не только образцом настоящего ученого, но и образцом «нравственно чистого» человека, учитывая, хотя бы, его лагерное прошлое на Соловках. На эти факты обращает внимание Ирина

Чайковская в своей публикации *Возвращение авиатора*¹. При этом автор статьи ставит сильный акцент на связь между лагерными воспоминаниями Лихачева и описаниями главного героя *Авиатора*:

[...] Описания лагеря сродни тем, что мы встречали у прошедшего через Соловки Дмитрия Сергеевича Лихачева, замечательного исследователя древнерусских текстов. [...] «Соловецкая» часть книги – дань памяти всем узникам Соловецкого ГУЛАГа, но в первую очередь она посвящена памяти Дмитрия Лихачева [...]².

Стоит добавить, что Лихачев придавал форме дневника большое значение и советовал всем, особенно детской аудитории и молодежи, записывать систематически свои впечатления, переживания и эмоции именно в таком виде. Теоретические указания насчет того, как надо писать, какие правила надо при этом соблюдать, находим в работе Лихачева под заглавием *Письма о добром и прекрасном* (1985):

[...] Чтобы научиться писать, надо писать. Поэтому пишите письма друзьям, ведите дневник, пишите воспоминания, их можно и нужно писать как можно раньше – не худо еще в юные годы – о своем детстве, например [...]³.

В связи с тем, что научная деятельность Лихачева вызвала огромный интерес у Водолазкина, в 2002 году он выпустил книгу под заглавием *Дмитрий Лихачев и его эпоха*, в которую вошли воспоминания и эссе выдающихся ученых, писателей и общественных деятелей. Следует подчеркнуть, что дополненное издание этой публикации появилось в печати в 2006 году, что свидетельствует о привязанности и великому уважению автора *Авиатора* к своему учителю – Лихачеву и это объясняет симпатию Водолазкина к разным формам дневниковых записей.

Цель настоящей статьи – представить роман *Авиатор* Водолазкина сквозь призму жанровых разновидностей дневниковых текстов. Прежде чем перейдем к анализу содержания романа Водолазкина и его жанровой специфики, следует привести классическую дефиницию дневника и его традиционные особенности, затем ввести новые жанровые формы дневниковых записей, которые в итоге сопоставим с новаторскими приемами автора *Авиатора*. Традиционный дневник, личные записки и воспоминания относятся к мемуарному жанру. Причем определение «мемуары»

¹ И. Чайковская, *Возвращение авиатора*, «Знамя» 2017, № 2.

² Там же, с. 2.

³ Д. С. Лихачев, *Письмо двадцать первое. Как писать?*, [в:] *Преодоление времени. Важные мысли и письма (сборник)*, Москва: «Издательство АСТ» 2016, с. 59.

(фр. 'memoires') означает прежде всего записки современников, повествующие о событиях, в которых автор мемуаров принимал участие или которые известны ему от очевидцев⁴. Важная особенность мемуаров заключается в установке на «документальный» характер текста, претендующего на достоверность воссоздаваемого прошлого⁵. Жанр дневника является одним из древнейших жанров в литературе, первые сведения о котором восходят к истокам письменности. Развитие записей началось уже с X века, когда появились такие типы дневникового жанра, как: хождения, путешествия, путевые очерки, автобиографические записи. В России ведение дневников и книжных записей началось с XIII века и продолжалось до XIX века. Одним из писателей этого периода, который ссылался в своем творчестве на жанр дневника, является Михаил Юрьевич Лермонтов, автор *Героя нашего времени* (дневник Печорина). Именно в творчестве Лермонтова жанр дневника сыграл роль самовысказывания героя и изображения человеческой души, национальной идентичности. Записки Печорина вводят читателя в его мир и заставляют поверить в неподдельность его душевного состояния. Читая такой дневник, читатель имеет возможность провести анализ окружающего мира, понять прошлое и сохранить память о нем. Следует подчеркнуть, что широкое распространение жанра дневника наступило в России в XX веке, когда драматические события народной истории, в том числе три русские революции и две мировые войны, в значительной степени повлияли на сознание и формирование личности русского человека. Именно жесткие события заставили советских писателей делать личные записи, которые послужили в будущем свидетельством совершения насилия над личностью. Свой опыт периода войны описали, кстати сказать, М. Ф. Андреева *Дневниковые записи*, О. Берггольц *Из дневников*, М. Пришвин *Дневник*, А. Твардовский *Из рабочих тетрадей*. В дневнике⁶, как правило, повествование ведется чаще всего от первого лица, в виде повседневных или периодических записей о значимых событиях, личной жизни повествователя, героя, автора. Согласно теории Елены Владимировны Богдановой⁷ на тему основных признаков дневника, каждая запись в дневнике определяется конкретной датой, то есть при каждой заметке должен быть указан год, день, а иногда

⁴ Мемуарный жанр. Личный дневник, Кружок Юный журналист, [электронный ресурс] <http://rusteacher.ru/kruzhok-yunyj-zhurnalist/7-memuarnyj-zhanr-linnyj-dnevnik> [11.09.2018].

⁵ *Литературный энциклопедический словарь*, под общей ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева, Москва: «Советская энциклопедия» 1987, с. 98–99.

⁶ Об этой теме писали также: М. Г. Чулюкина, *Дневник как жанр публицистики: предметно-функциональные особенности*. Автореферат диссертации на соискание научной степени канд. филол. наук, Казань 2009.

⁷ Е. В. Богданова, *Языковые особенности жанра дневника*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2008, № 1(1), с. 28–33.

определяется и время суток. Характерной особенностью записей является также сжатость текста и отрывочность. Как правило, в дневнике описываются факты и реальные события. Повествователь делает записи, основанные на его собственных впечатлениях. Ведение дневника может ассоциироваться со свободным выражением мыслей. По своей сути дневник должен быть монологичным⁸, однако может иногда появиться так называемая внутренняя диалогичность слова автора – например, беседа с вымышленным собеседником. Богданова утверждает, что дневник не является ретроспективным, что должен относиться к современным событиям. Записи совершаются индивидуально, для удовлетворения собственных нужд, не для публичного восприятия, в результате чего наступает усиление лирической экспрессии⁹. Итак, мы пришли к выводу, что данная выше зарисовка жанровой традиции дневника в русском историко-литературном процессе позволит нам указать новые тенденции, согласно которым мы будем понимать роман *Авиатор* Водолазкина (в контексте дневниковых записей) не как нарратологический прием, а именно как разновидность дневникового текста «нового типа». Стоит сразу объяснить, что понятие как «дневника», так и «дневниковых текстов» понимаем согласно теоретическим исследованиям Михаила Михеева¹⁰, в работе которого читаем:

[...] Дневник предлагается считать ядерным понятием внутри более общего – дневниковых текстов, включающих в себя и записные книжки (ежедневник, блокнот, альбом, черновик, записи для памяти, календарь), и мемуары, письма, путевые журналы, автобиографии, исповеди, маргиналии, рабочие тетради, и так называемые блоги в интернете...[...]¹¹.

В дневниковой классификации, предложенной Михеевым, особое место уделяется «эго-тексту» как специфической форме дневника, в которой автор *Дневника в России XIX–XX века...* выделяет два главных признака: во-первых, понимание эго-текста как текста о себе самом, в котором обычно указаны обстоятельства жизни пишущего и, во-вторых, отражение в нем субъективной авторской точки зрения, часто с эгоцентрической позиции автора¹². Анализируя роман *Авиатор* Водолазкина, будем также ссылаться

⁸ *Литературный энциклопедический словарь...*, с. 99.

⁹ Е. В. Богданова, *Языковые особенности жанра дневника...*, с. 28–33.

¹⁰ М. Михеев, *Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или пред-текст*, Москва: Водолей 2006, [электронный ресурс] <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> [18.03.2019].

¹¹ Там же.

¹² Там же.

на работы других авторов¹³, которые рассматривали жанровую специфику дневника в целом. Дневник является одним из наиболее оригинальных мемуарных жанров с точки зрения композиции и формы повествования. Самое главное, что произведение Водолазкина является интересным объектом исследования не только из-за богатого историко-философского содержания, но также благодаря его новаторскому характеру. Стоит обратить внимание на факт, что автор романа-дневника отошел от классической формы литературного дневника и, модифицируя его существующий вариант, вписанный в литературный дискурс, создал собственный вариант этого жанра, который вписывается в форму эго-текста. Чтобы показать новаторский подход Водолазкина к этой разновидности дневника и обнаружить его индивидуальные особенности, отнесемся уже к самому роману *Авиатор* Водолазкина.

Автором дневниковых записей в романе Водолазкина *Авиатор* является художник и политический заключенный – Иннокентий Платонов, который в 1930 году стал участником эксперимента по крионике (заморозке) в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН, «Соловки»). Можно принять, что решение Иннокентия стать замороженным было особой формой побега от ужасной лагерной реальности, к которой герой будет возвращаться несколько раз после своего «воскрешения». В конце 1990-ых годов доктору Гейгеру удалось разморозить Иннокентия Платонова – человека совсем другой эпохи, которому придется адаптироваться в новом и чужом для него мире. Чтобы процесс адаптации пациента прошел эффективно и по мере возможности безболезненно, доктор Гейгер посоветовал Иннокентию делать записки, которые помогли бы восстановить память о прошлом и о себе самом. По мнению доктора, ведение дневника является единственным надежным путем к восстановлению утраченного сознания и тождественности, а также к новой жизни в гармонии с окружающим новым миром:

[...] Дело было так. Гейгер принес карандаш и толстую тетрадь. Ушел. Вернулся с подставкой для письма. – Все, что произошло за день, записывайте. И все, что из прошлого вспомните, тоже записывайте. Этот дневник – для меня. Я буду видеть, как быстро мы в нашем деле продвигаемся [...] Описывайте и оценивайте меня всесторонне – моя скромная персона потянет за собой другие нити вашего сознания. А круг вашего общения мы будем расширять постепенно [...]¹⁴.

¹³ М. Г. Чулюкина, *Дневник как жанр публицистики...*

¹⁴ Е. Г. Водолазкин, *Авиатор*, Москва 2016, с. 14.

Из вышеприведенной цитаты вытекает, что роман *Авиатор* написан в форме дневника, главной целью которого является представление истории главного героя Иннокентия и восстановление его сознания и памяти. Роман Водолазкина разделен на две части, в каждой из которых записи сделаны иначе. В первой части произведения дневники ведутся главным героем Иннокентием. Однако его замечания ярко отличаются от традиционных, упомянутых в работах Богдановой¹⁵ и Чулюкиной¹⁶. Если у них записки определяются точной датой, т.е. днем, годом или временем суток, то у Водолазкина появляются только дни недели в неупорядоченном виде. Данный способ записей в романе Водолазкина можно рассматривать как новаторский прием жанра дневника и иллюстрацию состояния самого пишущего, который восстанавливает свою память фрагментарно, постепенно, маленькими шагами и притом хаотическим путем. Интересным в этом отношении становится хотя бы отрывок из *Авиатора*, в котором Платонов окрыляет заново свою привязанность к Богу и Церкви:

Воскресенье

[...] Проснувшись, прочел мысленно “Отче наш”. Оказалось, молитву воспроизвожу без запинки. Я, бывало, по воскресеньям, если не мог пойти в церковь, хотя бы “Отче наш” про себя читал. Шевелил губами на влажном ветру. Я жил на острове, где посещение служб не было само собой разумеющимся. И остров не то чтобы необитаемый, и храмы стояли, но так как-то всё сложилось, что посещать их было непросто. Подробностей сейчас уже и не вспомнишь [...]¹⁷.

Только позже отдельные образы детства, лагерной жизни, восстанавливаемые героем детали сочетаются в его сознании друг с другом и позволяют Иннокентию полностью осмыслить самого себя и окружающий его мир. Кроме этого хаотичность очередных записей героя является своего рода психологической записью рождения заново утраченной памяти человеком, который в первую очередь задает вопрос: кто я такой, где место моего нахождения, кто мои близкие и знакомые? В этом виде записи главного героя *Авиатора* представляют собой эго-текст, так как в нем ощущаем присутствие двух его значимых черт, выделенных ранее Михеевым¹⁸. В данном случае имеем в виду факт, что Иннокентий создает себе текст о самом себе, в котором пытается осознать самого себя и свое место в окружающем его мире. Надо вспомнить, что Платонов был заморожен почти 70 лет назад, а «проснулся» в 1999 году,

¹⁵ Е. В. Богданова, *Языковые особенности жанра дневника...*, с. 28–33.

¹⁶ М. Г. Чулюкина, *Дневник как жанр публицистики...*

¹⁷ Е. Г. Водолазкин, *Авиатор...*, с. 21.

¹⁸ М. Михеев, *Дневник в России XIX–XX века...*

прошли целые поколения и мир выглядит иначе. Герой переживает сильный шок и ощущает боязнь перед действительностью:

[...] Я ведь любил Петербург бесконечно. Возвращаясь из других мест, испытывал острое счастье. Его гармония противостояла в моих глазах хаосу, который пугал и расстраивал меня с детства. Я сейчас не могу как следует восстановить событий моей жизни, помню лишь, что, когда меня захлестывали волны этого хаоса, спасала мысль о Петербурге – острове, о который они разбиваются...[...]¹⁹.

К тому же его воспоминания в форме эго-текста это попытка в письменной форме ввести порядок в сферу своих мыслей и эмоций. Здесь появляется также важная функция дневника, которую Михеев²⁰ называет релаксационно-терапевтической. Писание дневника снимает с Платонова эмоциональное и нервное напряжение, принимает участие «в процессе вербальной рационализации мыслей»²¹. К тому же, Водолазкин реализует в романе *Авиатор* второй аспект теоретической основы эго-текста по Михееву²² – представление субъективной точки зрения самого создателя дневникового текста, как и обращение внимания на его эгоцентричность. Эти два элемента: субъективизм и эгоцентричность героя, а затем способ передачи им индивидуальных заметок в форме эго-текста связан также с его прошлым. В романе вспоминается, что Иннокентий Петрович Платонов в начале века был художником и учился в Академии художеств в Петербурге и:

[...] Проснувшись почти через семьдесят лет после чудовищного эксперимента, он пытается осознать, кто он, и обрести себя в новых обстоятельствах. Герой осознать, что утратил дар художника, и начинает писать, но не картины, а воспоминания, постепенно восстанавливая в памяти события, свидетелем которых случилось быть, людей, с которыми сводила судьба, впечатления, ощущения, запахи, краски, звуки, наконец речь [...]²³.

Замечания Н. Стрельниковой приводят на мысль особую трактовку эго-текста Платонова как «пульсирующего»²⁴, выборочного и фрагментарного текста, к тому же создаваемого бывшим художником. Его дневник

¹⁹ Е. Г. Водолазкин, *Авиатор...*, с. 31.

²⁰ М. Михеев, *Дневник в России XIX–XX века...*

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Н. Д. Стрельникова, *А почему Платонов – авиатор? О роли названия в романе Е. Водолазкина «Авиатор»*, [в:] *Русистика и Современность*, ред. И.П. Лысаковой и Е.А. Железняковой, Санкт-Петербург: «Северная звезда» 2018, с. 211.

²⁴ Этот термин употребляем за: М. Михеев, *Дневник в России XIX–XX века...*

представляет собой как бы сборник его личных фотографий – в большинстве автопортретов, появляющихся в описательной форме:

[...] Церковь – большая радость, особенно в детстве. Маленький, значит, держусь за юбку матери. [...] Мать ставит свечу к иконе. Поясницей чувствую ее ладони, а мои валенки и варежки свободно перемещаются в воздухе, и я как бы парю в направлении иконы. Подо мною десятки свечей – праздничные, колеблются, – я смотрю на них и не могу отвести от этой яркости взгляда [...] ²⁵.

Как далее характеризует Михаил Михеев эго-текст: «Под определение эго-текста подпадает не только дневниковый, но также конечно и мемуарный текст, где ощутим временной отступ от описываемых событий» ²⁶. Похожее явление замечаем и в романе *Авиатор* Водолазкина. Иннокентий Платонов содержит в себе много сходств с биографией упомянутого нами выше ученого Дмитрия Лихачева, который на Соловках как зэк находился в конце 20-х годов XX века. К тому же Лихачев является автором своих лагерных воспоминаний ²⁷. Этим путем реализуется очередная функция дневника, о которой упоминает исследователь жанра дневника – Михаил Михеев – функция культурной памяти, так как в романе сохраняются следы о событиях индивидуальной жизни ²⁸.

В отличие от платоновского «эго-текста», в котором повествование ведется от первого лица, во второй части романа *Авиатор* появляются и другие повествователи, в том числе доктор Гейгер и жена Иннокентия – Настя. Доктор Гейгер принял решение о совместном ведении дневника, втроем, чтобы мотивировать Иннокентия к дальнейшему писанию, так как он пропустил несколько недель:

[...] На днях Иннокентий сообщил мне, что уже пару недель не ведет дневник. [...] Да, главное: я уцепился за этот разговор и убедил его продолжать дневник. Для этого, правда, пришлось пообещать, что тем же займется Настя. И даже я. [...] Что ж, будем писать все каждый на своем компьютере. Потом соединим [...] ²⁹.

С этого момента в романе появляются три автора-повествователя, которые, представляя свои собственные впечатления, пополняют друг друга

²⁵ Е. Г. Водолазкин, *Авиатор...*, с. 21.

²⁶ М. Михеев, *Дневник в России XIX–XX века...*

²⁷ Д. Лихачев, *Соловецкие записи 1928–1930*, [в:] *Воспоминания*, Санкт-Петербург: Логос 1995.

²⁸ М. Михеев, *Дневник в России XIX–XX века...*

²⁹ Е. Г. Водолазкин, *Авиатор...*, с. 221.

и тем самым обогащают содержание совместного дневника. Однако, именно благодаря такому решению Иннокентий чувствует себя как предмет эксперимента, как подопытный кролик, а не как пишущий художник, который отошел от живописии: «Я сказал ему, что эти записи делают меня кем-то особенным, подопытным»³⁰. Таким образом во второй части романа наступает и следующая трансформация дневника, то есть рядом с названием дней недели появляются в скобках имена повествователей (Иннокентий, Гейгер, Настя), которые со временем подвергаются постепенной редукции, сначала до пустых скобок, а в результате до полного отказа их употребления. Впоследствии наступает слияние содержания текста, в результате чего дневниковая запись Платонова во второй части романа теряет свой первичный характер и черты монологического письменного высказывания. Напомним, что мы назвали дневниковые записи Платонова эго-текстом³¹. Множество повествователей приводит к потере монологичности. Дневник во второй части *Авиатора* становится полифоническим, т.к. Водолазкин предоставляет в романе слово другим повествователям, которые в своих записях представляют собственное мировоззрение. Водолазкинский аспект полифоничности художественного текста-дневника отсылает нас к работам русского литературоведа и философа – Михаила Михайловича Бахтина³². В философской концепции полифонического романа, сформулированной Бахтиным, ссылаясь на пример творчества Федора Достоевского (*Преступление и наказание*), ученый пытался доказать, что автор такого типа художественной письменности не оказывает предпочтения ни одному из героев. У всех одинаковое право голоса, никто не доминирует. Сам автор не оценивает высказываний и поступков своих героев. Он предоставляет эту возможность читателю, который по-своему интерпретирует поведение и психическое состояние персонажей³³.

Водолазкин выходит за пределы описания современности, которая является основой для ведения дневника. Посредством путешествия во времени, в далекое и чужое для самого автора прошлое, ему удастся модифицировать принятую модель этого жанра. Е. Богданова³⁴ и М. Чулюкина³⁵ подчеркивают, что предметом мемуарных описаний должны быть современные события, в которых непосредственно принимает участие их автор. У Водолазкина наступает сплетение настоящего и прошлого времени.

³⁰ Там же, с. 224.

³¹ М. Михеев, *Дневник в России XIX–XX века...*

³² М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, 1963. Работы 1960-х–1970-х гг., [в:] *Собрание сочинений*, Москва 2002, т. 6, с. 22.

³³ Там же.

³⁴ Е. В. Богданова, *Языковые особенности жанра дневника...*, с. 28–33.

³⁵ М. Г. Чулюкина, *Дневник как жанр публицистики...*

Водолазкин не является участником исторического процесса периода деятельности СЛОНа. Он раскрывает перед читателем тайны истории свидетеля и жертвы политического террора СССР. Иннокентий Платонов это герой двух разных эпох, т.е. периода соловецкого лагеря и 90х годов XX века. Плавное перемещение героя во времени является целенаправленным приемом Водолазкина, который утверждает читателя в том, что времени нет, что прошлое переключается с настоящим и предугадывается им. Темой времени автор *Авиатора* заинтересовался благодаря своему учителю – академику Лихачеву, который говорил Водолазкину следующее:

[...] Если полагать, что время есть, то не понятно, как может существовать Святая Троица – Бог-сын, Бог-отец и Святой дух. Это временной парадокс – как отец может одновременно существовать с сыном. Но этот парадокс существует только в том случае, если мы считаем, что существует время. Лихачев говорил, что время дано нам по нашей слабости, мы заперты в нем, иначе не смогли бы охватить события нашей жизни. А потому Лихачев, и я вслед за ним, уверены – времени нет [...] ³⁶.

Автор *Авиатора* ссылается на мнение Лихачева применительно ко времени. Ввиду этого главный герой с легкостью передвигается в пространстве и во времени, соединяя тем самым две разные эпохи в одно тесно слитое целое. Однако поворот к прошлому противоречит традиции жанра дневника, который, в оценке Богдановой ³⁷, не должен быть ретроспективным, а относящимся к современности. Иннокентий Платонов регулярно возвращается к прошлому, потому что это единственный путь к восстановлению утраченной памяти:

[...] Я ведь только тем и занимаюсь, что ищу дорогу к прошлому: то через свидетелей (их со смертью Анастасии больше нет), то через воспоминания, то через кладбище, куда переместились все мои спутники. Я пытаюсь приблизиться к прошлому разными путями, чтобы понять, что оно такое. Что-то отдельное от меня или проживаемое мной до сих пор? [...] ³⁸.

Согласно теории Богдановой ³⁹, дневник ведется индивидуально, не для общественного пользования. Чулюкина ⁴⁰ утверждает, что дневник является

³⁶ Л. Кириллова, *Времени нет. Памяти Дмитрия Лихачева*, 2016, [электронный ресурс] <https://www.pravmir.ru/vremeni-net-pamyati-dmitriya-lihachyova/> [28.11.2016].

³⁷ Е. В. Богданова, *Языковые особенности жанра дневника...*, с. 28–33.

³⁸ Е. Г. Водолазкин, *Авиатор...*, с. 349.

³⁹ Е. В. Богданова, *Языковые особенности жанра дневника...*, с. 28–33.

⁴⁰ М. Г. Чулюкина, *Дневник как жанр публицистики...*

и своего рода исповедью, которая открывает причины кризиса личности, бессилие человека, которому пришлось бороться с угнетающей властью. Внимания заслуживает факт, что записки Иннокентия Платонова играют дополнительную функцию как характеристики персонажа, так и двух исторических эпох. По поручению Гейгера пациент создает записки, которые являются одним из элементов медицинской терапии и составляют основу для анализа личности главного героя. Терапия писанием была изучена, к слову сказать, американским психологом профессором Джеймсом Пеннебейкером, который доказал ее эффективность в преодолении негативных эмоций, вызванных тяжелыми событиями прошлого. Ученому удалось также доказать, что именно писание о каких-либо проблемах положительно влияет на состояние здоровья пишущего⁴¹. В этом случае можно отнестись и к психоанализу Зигмунда Фрейда, который рассматривал искусство, в том числе и писание, как своеобразный способ примирения принципов «реальности» и «удовольствия» путем вытеснения из сознания человека неприемлемых импульсов⁴². Иначе говоря, путем творческой деятельности художник достигает самоочищения (греч. 'катарсис')⁴³. Здесь уместно сказать, что Иннокентий, делая записки, также стремится к своего рода очищению, покаянию и искуплению греха за убийство доносчика Зарецкого:

[...] Господи, помилуй. Я сказал священнику: вот я покаялся на исповеди, что когда-то убил человека, но легче мне не становится. Священник мне ответил: ты просил прощения у Бога, которого не убивал, – может быть, тебе попросить прощения у убитого? Боже мой, что же я могу сказать убитому, и услышит ли он меня оттуда? [...]⁴⁴.

Согласно теории Фрейда, в процессе психоанализа участвуют как правило две стороны: пациент и доктор. Основой психотерапии является разговор между больным и терапевтом. Самое важное, чтобы сеансы были регулярными. Тогда можно рассчитывать на положительные результаты. В *Авиаторе* выступают эти два элемента: врач Гейгер и пациент Иннокентий Платонов. Сам процесс психотерапии Гейгера немного отличается от ее основного варианта, но стоит заметить, что он происходит регулярно. Терапия Гейгера совершается не посредством разговора, а именно в форме

⁴¹ J. Klebaniuk, *Opowiedz swoją historię. Terapeutyczne efekty pisania*, „Przegląd Biblioterapeutyczny” 2015, т. V, № 1, с. 13.

⁴² *Механизмы психологической защиты*, Ф. А. Крот, Минск: БГМУ 2015, с. 11.

⁴³ *Психоанализ Зигмунда Фрейда. Сознательное и бессознательное. Обоснование культуры как сублимации эроса*, [электронный ресурс] https://studbooks.net/648741/filosofiya/psihoanaliz_hudozhestvennoe_tvorchestvo [11.09.2018].

⁴⁴ Е. Г. Водолазкин, *Авиатор...*, с. 44.

записей в дневнике – его эго-текстами, которые являются самым достоверным материалом медицинской документации.

В заключение следует подчеркнуть, что Водолазкин в романе *Авиатор*, ссылаясь на все свое литературное, философское и историческое знание, на классическую теорию жанра дневника, выработал настоящий оригинальный вид дневника – эго-текст. Эти три отдельные дневниковые записи второй части романа *Авиатор*, где каждая из них является как бы отдельным голосом: Платонова, Гейгера и Насти, придает дневниковым записям, в их композиционном сопоставлении в произведении, особый признак полифоничности. Плавное перемещение героя во времени и пространстве, размывание границы между прошлым и настоящим, пропуски в определении даты и времени записей подчеркивают индивидуальность пишущего героя в создаваемом им дневнике – эго-тексте.

В целом роман Водолазкина – это пример реализации дневниковой прозы начала XXI века в новаторской форме. Писатель доказал, что в отличие от классического дневника, в новой модели записей именно прошлое всегда является основой для настоящего, о чем свидетельствуют упомянутые выше плавные, лишенные всяких барьеров путешествия авиатора Иннокентия во времени. У Водолазкина достоверным источником, способствующим восстановить память и сознание героя, являются минувшие события, а не только актуальные проблемы общества. Внимания заслуживает факт, что несмотря на индивидуальный подход Евгения Водолазкина к жанру дневника и его разновидности: эго-тексту, ему удалось сохранить первоначальную функцию дневника – характеристику конкретной эпохи и значимых для нее событий, изображение психологического состояния автора записей и ответ на наиболее важные и сложные вопросы человечества.

References

- Bakhtin, Mikhail. *Problemy poetiki Dostoyevskogo. 1963 Raboty 1960-ykh 1970-ykh godov*. Moskva, 2002.
- Bogdanova, Yelena V. „Yazykowiye osobienosti dnevnika”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 1, no. 1 (1) (2008): 28.
- Chaykovska, Irina. “Vozvrasschenie aviatora”. *Znamia*. No. 2 (2016).
- Dmitryi Likhachov – solovietski akademik i katorzhanin. http://www.solovki.ca/people_18/lihachev.php
- Kirilova, Ludmila. *Vremeni net. Pamiati Dmitriya Likhachova*. <https://www.pravmir.ru/vremeni-net-pamyati-dmitriya-lihachyova/>
- Klebaniuk, Jarosław. “Opowiedz swoją historię. Terapeutyczne efekty pisanja”. *Przegląd Biblioterapeutyczny*, vol. V, no. 1 (2015): 11–32.
- Kon, Igor S. *V poiskakh sebya: Lichnost i yeye samoznanye*. In: *Poltizdat*, 1987.
- Kozevnikov, Vadim. *Litieraturnyj enciklopediceskiy slovar*. Moskva, 1987: 98–99.

- Krot, A. *Mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity*. Minsk, 2015.
- Likhachev, Dmitryi. *Pismo dvadstat pervoye. Kak pisat?* In: *Preodolieniye vremeni. Vazhnye mysli i pisma*. Moskva, 2016: 28.
- Memuarnyi zhanr. Lichnyi dnevnik*. <http://rusteacher.ru/kruzhok-yunyj-zhurnalist/7-memuarnyj-zhanr-linnyjdnevnik>
- Mikheyev, Mikhail. *Dnevnik v Rosii XIX–XX v. – ego-tekst, ili pred-tekst*. Moskva: Vodoley, 2006. <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm>
- Pivovarova, Ludmila M. “Dnevnik kak literaturnaya forma”, *Gumanitarnyye nauki*, 2007.
- Polak, D. M. *Zhanr dnevnika i problemy yego tipologii*. Almaty, 2004.
- Psikhoanaliz Zygmunda Freuda. Soznatelnoe i bessoznatelnoe. Obosnovaniye kultury kak sublimatsyi erosa*. https://studbooks.net/648741/filosofiya/psihoanaliz_hudozhestvennoe_tvorchestvo
- Vodolazkin, Yevgeny. *Aviator*. Moskva: AST, 2017.
- Yegorov, Oleg G. *Ruskii literaturnyi dnevnik XIX v. Istoriya i teoriya zhanra*. Moskva: Flinta, Nauka, 2003.